

«СМЫСЛ ЕСТЬ УПОТРЕБЛЕНИЕ»

Аннотация. Теоретизация философии Виттгенштайна в терминах естественных нормативных практик — языковых игр и форм жизни — сближает её с нормативным прагматизмом Хайдеггера. В частности, Хайдеггер тоже отводит фундаментальную роль понятию «употребление». Французский философ Жослин Бенуаст, однако, оспаривает глубинный характер аналогии между понятиями употребления у Виттгенштайна и Хайдеггера. В данной статье я возвращаюсь к вопросу об этой аналогии, а также пытаюсь прояснить, возможна ли вообще теоретизация виттгенштайновского понятия употребления. Исследование проводится при помощи синтеза герменевтического и аналитического методов анализа текстов Хайдеггера и Виттгенштайна в контексте достижений современной аналитической философии и, в частности, аналитического прагматизма. В статье делается попытка более тесного сближения философий Виттгенштайна и Хайдеггера в рамках нормативного прагматизма и натурализма. Предлагается аналитическая интерпретация некоторых виттгенштайновских понятий (правила, употребления, семейного сходства, аспекта и других). В статье утверждается, что философия Виттгенштайна содержит имплицитную метафизику, которую Хайдеггер делает эксплицитной.

Ключевые слова: употребление, смысл, языковая игра, Дазайн, Виттгенштайн, Хайдеггер, прагматизм, натурализм, аспект, правило.

1. В § 43 *Философских исследований* Виттгенштайн пишет: «Die Bedeutung eines Wortes ist sein Gebrauch in der Sprache» (Смысл слова есть его употребление в языке.— *Перевод мой*). Сказанное относится и к смыслу самого слова «смысл».

Но что есть «употребление» и как понимать связку «есть»? Не правильнее ли будет сказать, что смысл слова ассоциируется с его употреблением? Можно ли ввести в рассмотрение онтологию *употреблений*, которые лежат в основе смысла?

Поставленные вопросы можно сформулировать в несколько других терминах. При внимательном чтении Виттгенштайна становится очевидным, что термины «употребление» и «языковая игра» синонимичны. Слово, например, употребляется в рамках языковой игры. Языковая игра есть употребление правила, которому она подчиняется. Примером правила является слово, или соответствующий ему концепт.

Другим примером правила является знак. Знак не существует сам по себе; он неотделим от своих употреблений. Употребление знака превращает его в символ, в котором знак как бы растворяется, становится имплицитным.

Теоретизация философии Виттгенштайна в терминах естественных нормативных практик — языковых игр и форм жизни (то есть совокупностей языковых игр) сближает её с нормативным прагматизмом Хайдеггера¹. (И Виттгенштайн и Хайдеггер также натуралисты²). В частности, Хайдеггер тоже отводит фундаментальную роль понятию «употребление».

Жослин Бенуаст³, однако, оспаривает глубинный характер аналогии между понятиями употребления у Виттгенштайна и Хайдеггера.

В данной заметке я возвращаюсь к вопросу об этой аналогии, а также пытаюсь прояснить, возможна ли вообще теоретизация виттгенштайновского понятия употребления.

2. Если смысл слова есть его употребление, то *понять* смысл слова означает *понять* его употребление. В известном смысле мы понимаем смысл слова, если мы его употребляем или в состоянии употребить.

¹ См., например: Brandom R. *Tales of the Mighty Dead*. Cambridge: Harvard, 2002.

² См., например: Rouse J. *How Scientific Practices Matter*. Chicago: Chicago, 2002.

³ Benoit J. *Le mythe de l'usage // Les Etudes philosophiques*. 2010. № 4 (3). С. 417–432.

Виттгенштайн делает различие между двумя смыслами понятия употребления (и, соответственно, смысла). С одной стороны речь может идти о лексической неоднозначности, то есть употреблении различных концептов, с другой — о различных употреблениях одного и того же концепта.

Например, слово может быть неоднозначным или его употребления могут быть очень разными (соответствующими разным концептам). Такие употребления соответствуют различным смыслам изолированного слова или смыслам различных концептов.

Например, в § 282 *Философских исследований* Виттгенштайн пишет:

Ja; wir sagen von Leblosem, es habe Schmerzen: im Spiel mit Puppen z.B. Aber diese Verwendung des Schmerzbegriffs ist eine sekundäre. (Да, мы говорим о неодушевленном предмете, что он испытывает боль, например, когда играем в куклы; это употребление понятия боли является, однако, вторичным.— *Перевод мой*).

При фиксированном смысле изолированного слова (концепта), оно может употребляться в разных контекстах. При этом выявляются различные аспекты этого смысла.

Ich identifiziere meine Empfindung freilich nicht durch Kriterien, sondern ich gebrauche den gleichen Ausdruck. (Конечно, я не идентифицирую свое ощущение с помощью критериев, а применяю одно и то же выражение)¹.

У Хайдеггера также можно выделить два смысла понятия употребления и, соответственно, понимания и смысла, который есть экзистенциал *Дазайна*² (Sinn ist ein Existenzial des Daseins (смысл — экзистенциал *Дазайна*)³).

С одной стороны для Хайдеггера понимать — это быть способным что-то делать⁴.

Wir gebrauchen zuweilen in ontischer Rede den Ausdruck «etwas verstehen» in der Bedeutung von «einer Sacher verstehen können», «ihr gewachsen sein», «etwas können». (В онтической речи мы иногда употребляем выражение «что-то понимать» в смысле «быть способным справиться с делом», «быть на высоте», «что-то мочь». — *Перевод мой*)⁵.

Этот вид понимания можно отнести к способности владения правилом/концептом (виттгенштайновскому понятию употребления в первом смысле).

Хайдеггер также пишет:

Verstehen ist das existenziale Sein des eigenen Seinkönnens des Daseins selbst, so zwar, daß dieses Sein an ihm selbst das Woran des mit ihm selbst Seins erschließt. (Понимание есть экзистенциальное бытие способности-быть самого Дазайна, а именно такое, что это бытие в самом себе раскрывает то, на что оно способно.— *Перевод мой*)⁶.

Этот вид понимания (и, соответственно, смысла) соответствует пониманию употребления правила (виттгенштайновскому понятию употребления во втором смысле)⁷.

Поэтому можно согласиться с Бенуастом⁸, что в известном смысле и для Хайдеггера смысл есть употребление.

Разница между двумя философами в понимании смысла как употребления в том, что в отличие от Виттгенштайна, который терапевтический анализирует понятие смысла в терминах употребления, Хайдеггер рассматривает употребление как метафизическое условие возможности смысла как такового.

Виттгенштайн больше говорит об употреблении языка, Хайдеггер — об употреблении самого мира (для него *первичный смысл* — это «смысл» употреблений мира), например, употреблении молотка или употреблении дверной ручки. Разумеется, материальная практика отличается от практики чисто

¹ Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen/Philosophical Investigations. Basil Blackwell, 1953 (1ed.), 2009 (4ed.). § 290; Виттгенштайн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. § 290 Философских исследований.

² Я пользуюсь оригинальным хайдеггеровским термином Дазайн. На мой взгляд, перевод термина Дазайн как присутствие (см., например, Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. В. В. Библихина. СПб: Наука, 2006) неудовлетворителен.

³ Heidegger M. Sein und Zeit. Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 2006. С. 151.

⁴ Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. В. В. Библихина. СПб: Наука, 2006. § 31; Heidegger M. Sein und Zeit. Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 2006. § 31.

⁵ Heidegger M. Sein und Zeit. Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 2006. С. 143.

⁶ Heidegger M. Sein und Zeit. Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 2006. § 31. С. 144.

⁷ Имеется очевидная связь между двумя понятиями употребления. Правило как употребление (некоторого суперправила) есть просто более общее (по сравнению с употреблением этого правила) употребление. Поэтому по сути понятия употребления и, соответственно, смысла и понимания едины.

⁸ Benoit J. Le mythe de l'usage // Les Etudes philosophiques. 2010. № 4 (3). С. 417–432.

символической или языковой. Последняя, однако, может быть смешана с первой (у Виттгенштайна хватает примеров языковых игр, которые содержат как собственно языковые элементы, так и элементы мира. См., например, пример с покупкой пяти красных яблок (§ 1) или пример со строительными материалами (§ 2) в самом начале *Философских исследований*) или связана с ней опосредованно. При этом для обоих философов правильно употреблённый язык находится в интимной связи с миром¹. Это уменьшает различие между ними².

В рамках виттгенштайновского контекстуалистского подхода Жослина Бенуаста³ наличие (или возможность) интимной связи между языком и миром выражается при помощи условия адекватности, которое «(...) means that the concept, or whatever represents what is given might find its *perfect match* in the given, that the *gap* that there seems to be between the concepts and the individuals that serve as their examples in the traditional conception might be closed, and that real pieces of givenness might really *correspond* to the characters included in the representation». (... означает, что концепт, или что бы то ни было, что представляет данное, могло бы в *совершенстве* соответствовать данному, что кажущийся *провал* между концептами и индивидами, которые в рамках традиционной концепции служат в качестве их примеров, мог бы быть закрыт, и реальные части данного могли бы действительно *соответствовать* содержащимся в представлении характеристам.— *Перевод мой*)⁴.

¹ Можно употреблять молоток тем или иным образом. И можно говорить о его употреблении. В первом случае мы имеем дело непосредственно с самим миром, тогда как во втором — с языком. Но и для Виттгенштайна и для Хайдеггера эпистемический «провал» между языком и миром устраняется при правильном употреблении языка.

² Отметим, что Хайдеггер (как и Виттгенштайн) также говорит и об употреблении знаков, которые у него играют роль инструментов (см., например, § 17 Бытия и времени. См. также § 4 ниже. О понятии инструмента у Виттгенштайна и Хайдеггера см. § 3 ниже). Виттгенштайн в свою очередь рассматривает не только лингвистические, но и материальные знаки, такие, например, как дорожные указатели — пример, который находим и у Хайдеггера.

³ Benoist J. Concepts. Paris: Les éditions CERF, 2010/2011; Benoist J. *Éléments de philosophie réaliste*. Paris: Vrin, 2011; Benoist J. Making Ontology Sensitive // Cont. Philos. Rev. (Published online. 04 August 2012) 45, 2012. С. 411–424.

⁴ Benoist J. Making Ontology Sensitive // Cont. Philos. Rev. (Published online. 04 August 2012) 45, 2012. С. 412.

Хайдеггер в свою очередь пишет:

«Aussage ist kein freischwebendes Verhalten, das von sich aus primär Seiendes überhaupt erschließen könnte, sondern hält sich schon immer auf der Basis des In-der-Welt-seins». (Высказывание не свободнопарящее поведение, которое могло бы от самого себя и первично раскрыть существующее вообще, но, напротив, оно всегда держится на основе бытия-в-мире.— *Моя модификация перевода*)⁵.

Можно ли установить более тесную связь между подходами Виттгенштайна и Хайдеггера? Можно ли сказать, что Хайдеггер делает эксплицитными имплицитные метафизические предпосылки философии Виттгенштайна?

3. Оба философа, Виттгенштайн и Хайдеггер, прибегают к метафоре инструмента, которая у обоих больше, чем просто метафора.

У Виттгенштайна, как я его понимаю, понятие инструмента в широком смысле совпадает с понятием правила. Употребление есть употребление «инструмента», то есть правила. То есть употребление есть языковая игра.

Сам Виттгенштайн в духе своего анти-теоретического стиля не вводит онтологию употреблений. Он не ставит эксплицитно вопрос о природе употреблений, или языковых игр. Но можно ли это сделать в принципе? Не является ли, например, хайдеггеровский *Дазайн* такой онтологизацией понятия употребления или языковой игры?⁶.

Если взять инструмент в самом обыденном смысле этого слова, например, молоток — пример, который анализируют оба философа,— то ясно, что понимать под его употреблениями. Причём ясно также что понимать под нестандартными употреблениями инструмента (молотком можно вбивать гвозди, но его можно также использовать как оружие).

⁵ Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. В. В. Бибихина. СПб: Наука, 2006. С. 156; Heidegger M. *Sein und Zeit*. Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 2006. С. 156.

⁶ «Форма жизни» как совокупность языковых игр может рассматриваться как языковая игра высшего порядка. Поэтому поставленный вопрос есть также и вопрос о том, не соответствует ли хайдеггеровский *Дазайн* виттгенштайновской форме жизни. Например, John Haugeland пишет: «Dasein is neither people nor their being, but rather a way of life shared by the members of some community» (*Дазайн* не люди и не их бытие, а скорее разделяемый членами некоторого сообщества способ жизни.— *Перевод мой*). (Haugeland J. Reading Brandom Reading Heidegger // *European Journal of Philosophy*. 2005. 13:3. С. 423).

Виттгенштайн анализирует употребление молотка при помощи понятия семейного сходства (см. мою интерпретацию ниже). При этом Виттгенштайн проводит аналогию между употреблением молотка и употреблением слова (эта аналогия превращается в тождество, если перейти от употреблений молотка к адекватному описанию его употреблений при помощи языка).

«Do we use a hammer in two different ways when we hit a nail with it and, on the other hand, drive a peg into a hole? And do we use it in two different ways or in the same way when we drive this peg into this hole and, on the other hand, another peg into another hole? Or should we only call it different uses when in one case we drive something into something and in the other, say, we smash something? Or is this all using the hammer in one way and is it to be called a different way only when we use the hammer as a paper weight? — In which cases are we to say that a word is used in two different ways and in which that it is used in one way? To say that a word is used in two (or more) different ways does in itself not yet give us any idea about its use. It only specifies a way of looking at this usage by providing a schema for its description with two (or more) subdivisions. It is all right to say: «I do *two* things with this hammer; I drive a nail into this board and one into that board». But I could also have said: «I am doing only one thing with this hammer; I am driving a nail into this board and one into that board». (Употребляем ли мы молоток двумя разными способами, когда мы забиваем им гвоздь и когда вбиваем в отверстие колышек? И употребляем ли мы его двумя разными способами или же одним и тем же способом, когда мы вбиваем этот колышек в это отверстие и другой колышек в другое отверстие? Или же нам следует говорить о разных употреблениях только тогда, когда в одном случае мы вбиваем что-то во что-то, а в другом, скажем, что-то разбиваем? Или же во всех этих случаях мы употребляем молоток одинаковым образом, и отличным употреблением должно быть названо такое, когда мы используем молоток для взвешивания бумаги? — В каких случаях мы должны сказать, что слово употребляется двумя разными способами и в каких, что оно употребляется одним и тем же способом? Сказать, что слово употребляется двумя (или многими) способами само по себе ещё не даёт нам какой либо идеи о его употреблении. Это лишь специфицирует точку зрения на это употребление, предлагая схему для его описания при помощи двух (или

более) подразделений. Будет правильно сказать: «Этим молотком я делаю *две* вещи; я вбиваю гвоздь в эту доску и гвоздь в ту доску». Но я также мог бы сказать: «Я делаю лишь одну вещь этим молотком; я вбиваю гвоздь в эту доску и другой в ту доску». — *Перевод мой*)¹.

Я интерпретирую цитируемые слова Виттгенштайна в терминах семейного сходства первого порядка и семейного сходства высших порядков (*терминология моя*). Семейное сходство первого порядка есть сходство между употребленными одним и того же концепта, правила, или «инструмента» (в широком смысле). Это то, на что в § 2 я сослался как на употребление во втором смысле. Семейное сходство второго порядка есть сходство между употребленными некоторого суперконцепта. То есть это сходство между концептами, или сходство между применениями концепта и его обобщения (которое является сходством более удалённым, чем сходство первого порядка). Это то, на что выше я сослался как на употребление в первом смысле.

Семейное сходство может быть нарушено в том смысле, что из соответствующего ему концепта могут быть образованы два (под) концепта.

Выбор самого концепта (точки зрения, классификации) зависит от контекста, или перспективы. Но контекст употребления (концепта или супер-концепта) не отделён от употребления; он неотъемлемая часть самого употребления. Поэтому употребление, или языковая игра, и семейное сходство не субстанциальны в том смысле, что они имеют нормативное измерение. Они могут быть корректными (применениями правила) или нет. Они, следовательно, предполагают свою обосновываемость.

Возвращаясь к виттгенштайновскому примеру с молотком, сходство между забиванием гвоздя и другого гвоздя более близкое, чем сходство между забиванием гвоздя и колышка, хотя в определённом контексте любое сходство может быть нарушено (и наоборот, в определённом контексте несхожие употребления могут быть рассмотрены как схожие).

Хайдеггер анализирует употребление молотка при помощи своего понятия *Дазайн*. Употребление молотка есть (употребление) *Дазайн*.

При этом инструмент может быть употреблён более или менее рефлексивно, более или менее

¹ Wittgenstein L. The Blue and Brown Books. Basil Blackwell, 1958. С. 58.

автоматически, но не чисто механически, а всегда осознанно. *Дазайн* есть предельный случай автоматического употребления инструмента, когда субъект не осознаёт ни самого себя, ни инструмента; сознание в этом случае есть чистый феноменальный опыт употребления инструмента. « (...) Je weniger das Hammerding nur begafft wird, je zugreifender es gebraucht wird (...) (чем меньше на вещь-молоток просто глазуют, тем ловчее его применяют¹. Хайдеггер противопоставляет употребление «теоретическому» созерцанию. В то же время употребление инструмента (вещей) не является для него «слепым»; оно имеет свой собственный «способ видеть» (Sichtart).

Аналогичным образом витгенштайновское употребление правила (языковая игра) может быть более или менее рефлексивным. «Инстинктивная» языковая игра (витгенштайновское «слепое» следование правилу) имеет свою собственную феноменологию, свой собственный способ видеть. О ней можно сказать то же самое, что говорит Витгенштайн об ощущении: «Sie ist kein Etwas, aber auch nicht ein Nichts. (Оно не что-то, но и не ничто.— *Перевод мой*)².

4. Если некоторые вещи являются инструментами (в обыденном смысле), то другие таковыми не являются. Все вещи, однако, можно назвать инструментами в широком смысле слова, то есть в том смысле, что все они могут быть как-то употреблены.

У Хайдеггера роль такого универсального понятия инструмента играет понятие *Zeug*. Подобно тому как у Витгенштайна правило неотделимо от его применений, у Хайдеггера (и у Витгенштайна) инструмент неотделим от его употреблений. Именно в своём употреблении инструмент становится инструментом.

«Ein Zeug «ist» strenggenommen nie. Zum Sein von Zeug gehört je immer ein Zeugganzen, darin es dieses Zeug sein kann, das es ist. Zeug ist wesentlich «etwas, um zu... (...). In der Struktur «Um-zu» liegt eine *Verweisung* von etwas auf etwas». (Инструмент, строго говоря, не «есть». К бытию инструмента всегда относится комплекс инструментов, в рамках которого инструмент и может быть тем инструментом, которым он является.

¹ См. перевод: Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. В. В. Библина. СПб: Наука, 2006. С. 69; Heidegger M. Sein und Zeit. Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 2006. § 15. С. 69.

² Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen // Philosophical Investigations. Basil Blackwell, 1953 (1ed.), 2009 (4ed.). § 304.

Инструмент по самому своему существу есть «не-что для чего-то... (...) В структуре «для чего-то» содержится отсылка чего-то к чему-то.— *Перевод мой*)³.

Знак — пример инструмента в широком смысле (см. сноску 13 выше). Знак употребляемый (а не изолированный), то есть символ, нечто показывает и, таким образом, отсылает к тому, что он показывает.

В отличие от Витгенштайна Хайдеггер пытается выяснить общую метафизическую структуру *отсылания* инструмента к своему употреблению (знака к тому, что он показывает), которая указывает на материальную локализацию (основание) смысла.

В частности, для него:

«(...) das Zeichensein für... kann selbst zu einer universalen Beziehungsart formalisiert werden, so daß die Zeichenstruktur selbst einen ontologischen Leitfaden abgibt für eine «Charakteristik» alles Seienden überhaupt». (Бытие-знак для... само может быть формализовано как некоторый *универсальный тип связи*, так что сама структура знака даёт онтологическую путеводную нить для «характеристики» всякого бытия вообще.— *Перевод мой*)⁴.

Именно в этом Бенуаст видит принципиальную разницу между подходами Витгенштайна и Хайдеггера.

Витгенштайн, очевидно, не поставил бы вопрос о метафизическом фундаменте смысла (и понимания) как такового, который ставит и по-своему решает Хайдеггер. Всё же, как мне кажется, связь между двумя философами более тесная, чем полагает Бенуаст. Например, утверждение, что у всех употреблений (языковых игр) есть что-то общее, лишь на первый взгляд идёт вразрез с философией Витгенштайна.

В частности, можно согласиться с Джэйсон Бриджис⁵, что у всех *игр* имеется нечто общее. Общим у них является то, что все они являются *играми*. Я бы сказал, что общим у них является не общее (скажем так, эксплицитное) свойство, а общее (в общем случае имплицитное) правило «игра» (витгенштайновское правило, ассоциируемое со словом «игра»).

³ Heidegger M. Sein und Zeit. Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 2006. С. 68.

⁴ Там же. С. 77.

⁵ Bridges J. Wittgenstein's contextualism // In (Arif Ahmed (ed.). Wittgenstein's Philosophical Investigations. A Critical Guide. Cambridge UP, 2010.

Аналогичным образом общим у всех *языковых игр* является то, что все они нормативные практики, регулируемые правилами. В этом смысле можно говорить о существовании у смысла и понимания метафизического фундамента.

«Онтологической путеводной нитью», о которой говорит Хайдеггер, является виттгенштайновское правило в своём применении.

5. Виттгенштайновский анализ не исчерпывается терапевтическим грамматическим (то есть концептуальным) анализом, на котором Жослин Бенуаст акцентирует внимание, противопоставляя подходы Виттгенштайна и Хайдеггера. Многочисленные виттгенштайновские примеры, его анализ понятия языковой игры и проблемы следования правилу позволяют составить представление о природе и структуре естественных и в то же время нормативных (спонтанных) языковых игр (употреблений) — естественных нормативных практик, которые играют роль первичного данного.

Характеристики языковой игры как таковой напоминают характеристики хайдеггеровского *Дазайна*¹. Сущность *Дазайна* в его существовании. Сущность языковой игры в том, что она *есть* применение правила. Для обоих имеет место приоритет *existentia* по сравнению с *essentia*. И *Дазайн* и языковая игра являются *моими* (*die Jem einigkeit Дазайна*). В обыденной жизни оба имеют характер усреднённости (*Durchschnittlichkeit*)². И так далее.

У Виттгенштайна правило или языковая игра могут быть спроецированы в новый контекст. Это приводит к рождению новой языковой игры, — нового употребления и, соответственно, нового (аутентичного) смысла, соответствующего новому (аутентичному) существующему (бытию). Языковая игра имеет те или иные реальные (а не только, например, чисто логические) возможности для своей проекции в новый контекст, для своего развития и обобщения.

У Хайдеггера к бытию *Дазайна* относятся и его потенциальные возможности, в которых *Дазайн* раскрывается. Вещи в мире открываются и понимаются в соответствии с возможностями *Дазайна* и вместе с раскрытием его бытия. И ког-

да вещи понимаются, мы говорим, что у них есть смысл.

Для Виттгенштайна смысл *есть* употребление (языковая игра) или его правило (правило языковой игры)³. Для Хайдеггера:

«Sinn ist ein Existenzial des Daseins, nicht eine Eigenschaft, die am Seienden haftet, «hinter» ihm liegt oder als «Zwischenreich» irgendwo schwebt». (Смысл — экзистенциал *Дазайна*, а не свойство, которое приписывается существующему, лежит «за» ним или же где-то парит как «промежуточное царство». — *Перевод мой*)⁴.

В § 32 *Бытия и времени* Хайдеггер объясняет своё понимание концепта смысла следующим образом:

Verstanden aber ist, streng genommen, nicht der Sinn, sondern das Seiende bzw. das Sein. Sinn ist das, worin sich Verständlichkeit von etwas hält. Was im verstehenden Erschließen artikulierbar ist, nennen wir Sinn. Der Begriff des Sinnes umfaßt das formale Gerüst dessen, was notwendig zu dem gehört, was verstehende Auslegung artikuliert. *Sinn ist das durch Vorhabe, Vorsicht und Vorgriff strukturierte Woraufhin des Entwurfs, aus dem her etwas als etwas verständlich wird.* (Понимается, строго говоря, не смысл, а существующее и, соответственно, бытие. Смысл есть то, на чём держится понимание. То, что артикулируемо в понимающем раскрытии, мы называем смыслом. Концепт смысла охватывает формальную структуру того, что принадлежит с необходимостью тому, что артикулирует понимающая интерпретация. *Смысл есть структурированное тем, что мы предварительно имеем, видим и схватываем, к-чему проекта, исходя из которого нечто становится понятным как нечто.* — *Перевод мой*)⁵.

И то, что принадлежит с необходимостью тому, что интерпретация/экспликация артикулирует, есть правило. Это смысл в смысле смысла правила. Всё то, что интерпретация/экспликация артикулирует, есть смысл в смысле смысла как употребления правила.

Для обоих философов рефлексивное измерение в широком смысле (в частности, собственно

¹ См. также аналитическую интерпретацию *Дазайна* в: Brandom R. *Tales of the Mighty Dead*. Cambridge: Harvard, 2002.

² Heidegger M. *Sein und Zeit*. Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 2006. § 9.

³ Я не согласен с Бенуастом, что у Виттгенштайна лозунг «смысл есть употребление» относится лишь к употреблению некоторых слов, тогда как у Хайдеггера он носит универсальный характер.

⁴ Heidegger M. *Sein und Zeit*. Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 2006. С. 151.

⁵ Там же. С. 151.

рефлексия или «интерпретация» текста) вторично. Первично *понимание* (и для Хайдеггера сам *Дазайн* есть понимание мира посредством его открытия). Интерпретация/рефлексия — экспликация того, что имплицитно, а не условие понимания (то есть она не предопределена. Поэтому несмотря на свою объективность она не может быть однозначной). Она есть тоже понимание, только более эксплицитное.

«Die Ausbildung des Verstehens nennen wir Auslegung. (...) In der Auslegung wird das Verstehen nicht etwas anderes, sondern es selbst». (Формирование понимания мы называем интерпретацией. (...) В интерпретации понимание становится не чем-то иным, а им самим.— *Перевод мой*)¹.

Различие между *эксплицитным* и *имплицитным* играет фундаментальную роль и у Виттгенштайна и у Хайдеггера².

У Виттгенштайна новая языковая игра рождается как новое употребление правила, которое применяется «спонтанно» («новое (спонтанное, «специфическое») это всегда языковая игра»³) и инстинктивно, или «слепо». Но эта «слепота» не есть та слепота, наличие которой в (практическом) употреблении инструмента Хайдеггер отвергает, а, напротив, тот особый способ практического видения, о котором он говорит. У Хайдеггера наиболее фундаментальный *Дазайн* инстинктивен.

6. У Виттгенштайна примером употребления правила, или примером языковой игры, является «видеть-как». Это не особый способ видеть, а аспект играющего роль правила (или супер-правила) изображения. Правило имплицитно в языковой игре «видеть-как», и оно может быть употреблено по-другому.

Некоторое изображение может иметь разные аспекты в том смысле, что в разных контекстах оно может быть увидено по-разному. Переход

от одного контекста к другому сопровождается изменением аспекта, то есть приводит к тому, что одно видят как другое и наоборот. При этом нейтральное по отношению к выбору контекста изображение как таковое играет роль эксплицитного правила (или супер-правила).

Если это изображение рассматривается вообще вне какой-либо связи с его возможными употреблениями, оно становится бессмысленным. Не существует структурированного процесса употребления такого полностью деконтекстуализированного абстрактного изображения, при котором оно предшествовало бы своим применениям.

«The man who says «surely, these are two different usages' has already decided to use a two-way schema, and what he said expressed this decision». (Человек, который говорит «конечно, существуют два различных употребления», уже принял решение использовать двух-смысловую схему, и то, что он сказал, выразило это решение.— *Перевод мой*)⁴.

Смысл есть употребление. Я интерпретирую лозунг Виттгенштайна в самом широком смысле, допускающем, например, существование феноменальных концептов (соответственно феноменального смысла как феноменального употребления). В частности, можно говорить не только о смысле *видеть-как* («как» полностью эксплицитно) как соответствующем употреблении, но и о феноменальном смысле *видеть-как* («как» имплицитно полностью или частично) как соответствующем феноменальном употреблении.

И наоборот: употребление есть смысл. Лишь тогда, когда мы обращаем внимание на отдельные детали употребления, оно начинает отделяться от соответствующего смысла, и тождество «смысл есть употребление», первоначально означающее зависимость смысла от контекста, его варибельность (невозможно понять понятие смысла в отрыве от понятия употребления и наоборот), начинает превращаться в тождество между смыслом (употреблением одного концепта) и употреблением (употреблением другого концепта) — то есть другим смыслом (Sinn), отсылающими к одному и тому же референту (Bedeutung).

Общее правило, концепт (общий или конкретный) или (более или менее конкретное)

¹ Там же. С. 148.

² Опять же у Виттгенштайна речь идёт, прежде всего, о языке, а у Хайдеггера — о мире. Для Хайдеггера экспликация/интерпретация сама есть практическое употребление мира. Примерами экспликации/интерпретации для Хайдеггера являются такие употребления мира как «приготовить, приспособить, починить, улучшить, дополнить» („Zubereiten, Zurechtlegen, Instandsetzen, Verbessern, Ergänzen») (Heidegger M. Sein und Zeit. Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 2006. С. 148–149).

³ Виттгенштайн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Часть 2 Философских Исследований.

⁴ Wittgenstein L. The Blue and Brown Books. Basil Blackwell, 1958.

«синоптическое описание»¹ могут быть установлены в результате экспликации инстинктивного перцептивного опыта *видеть-как*. Экспликация/интерпретация превращает последний в опыт видения объекта. «Интерпретацией» в другом смысле является другое «видеть-как» (то есть «видеть-по-другому») — другой аспект правила². Переход от одного аспекта к другому означает видеть одно *как* другое. Это *как* есть семейное сходство. Оно устанавливается благодаря тому, что все аспекты имеют общее правило.

Описание *видеть-как* в терминах правила и его употреблений может быть названо описанием «структуры» этой языковой игры (у Виттгенштайна это описание имплицитно, а не эксплицитно), которое аналогично описанию, предложенному Хайдеггером.

«Das «Als' macht die Struktur der Ausdrücklichkeit eines Verstandenen aus; es konstituiert die Auslegung». («Как» представляет структуру выразимости того, что уже понято; оно составляет интерпретацию.— *Перевод мой*)³.

Вот что пишет Хайдеггер относительно феноменального опыта *видеть-как*:

Daß im schlichten Hinsehen die Ausdrücklichkeit eines Aussagens fehlen kann,

¹ На мой взгляд, виттгенштайновское понятие синоптического описания (видения) соответствует хайдеггеровскому понятию осмотительности (Umsicht). «Die Umsicht entdeckt, das bedeutet, die schon verstandene «Welt» wird ausgelegt. Das Zuhandene kommt ausdrücklich in die verstehende Sicht» (осмотительность (Umsicht, Umsicht) открывает; это означает, что уже понятый мир интерпретируется. То-что-под-рукой возникает эксплицитно в понимающем видении.— *Перевод мой*) (Heidegger M. Sein und Zeit. Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 2006. С. 148).

² Именно в этом смысле можно интерпретировать хайдеггеровскую «интерпретацию/экспликацию» как формирование (sich auszubilden) понимания (или «проекции понимания») (см. самое начало § 32 Бытия и времени).

Для Хайдеггера Дазайн, как понимание, проектирует своё бытие на возможности. Это понимающее бытие-к-возможностям само есть потенциал для бытия, поскольку раскрывающиеся возможности оказывают обратное влияние на Дазайн. (Сравним это с виттгенштайновской метафорой реки и её русла, которая относится к правилу и его применениям. Новые применения правила оказывают обратное влияние на само правило и приводят к его постепенному изменению.) Проекция понимания (понимание) имеет, таким образом, возможность своего «формирования» — интерпретации (Auslegung) (см. начало § 32).

³ Heidegger M. Sein und Zeit. Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 2006. С. 149.

berechtigt nicht dazu, diesem schlichten Sehen jede artikulierende Auslegung, mithin die Als-Struktur abzusprechen. Das schlichte Sehen der nächsten Dinge im Zutun-haben mit... trägt die Auslegungsstruktur so ursprünglich in sich, daß gerade ein gleichsam als-freies Erfassen von etwas einer gewissen Umstellung bedarf. Das Nur-noch-vor-sich-Haben von etwas liegt vor im reinen Anstarren als Nicht-mehr-verstehen. Dieses als-freie Erfassen ist eine Privation des schlicht verstehen den Sehens, nicht ursprünglicher als dieses, sondern abgeleitet aus ihm. Die ontische Unausgesprochenheit des «als' darf nicht dazu verführen, es als apriorische existenziale Verfassung des Verstehens zu übersehen. (Тот факт, что в простом видении экспрессивность высказывания может отсутствовать, не позволяет отрицать наличие в нём всякой артикулированной интерпретации, а, значит, и структуры «как». Простое видение ближайших вещей, с которыми мы имеем дело, несёт в себе интерпретационную структуру настолько естественным образом, что для того, чтобы нечто схватить, так сказать, свободным от «как», нужна известная реорганизация. Когда мы просто глазеем на что-то, мы-больше-не-понимаем то, что мы-имеем-перед-собой. Это свободное от «как» схватывание, которое есть извлечение из простого видения, не является первичнее его, но вытекает из него. Онтическая невыраженность «как» не должна ошибочно вести к тому, чтобы не заметить, что оно является априорным экзистенциальным условием понимания.— *Перевод мой*)⁴.

Первичное понимание есть схватывание имплицитного правила или некоторого его конкретного употребления. Интерпретация есть схватывание другого употребления этого правила или экспликация исходного его употребления. Отсюда и структура «как». При этом чисто феноменальный (зрительный) опыт предшествует лингвистически выраженному опыту, содержащему «как» эксплицитно.

7. Я, таким образом, полагаю, что аналогия между Виттгенштайном и Хайдеггером, в частности, что касается понятия употребления, не является поверхностной. Хайдеггер делает эксплицитной виттгенштайновскую имплицитную метафизику. Виттгенштайновский прагматизм может быть теоретизирован.

⁴ Там же.

Последнее подтверждается, как мне кажется, например, работами Роберта Брэндома¹. В частности, его *аналитический прагматизм*²

вдохновляется идеями позднего Виттгенштайна (хотя, на мой взгляд, Брэндом не всегда правильно интерпретирует Виттгенштайна³).

Список литературы:

1. Виттгенштайн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994.
2. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. В. В. Бибихина. СПб: Наука, 2006.
3. Benoist J. Making Ontology Sensitive // Cont. Philos. Rev. (Published online. 04 August 2012) 45, 2012. С. 411–424.
4. Benoist J. Le mythe de l'usage // Les Etudes philosophiques. 2010. № 4 (3). С. 417–432.
5. Benoist J. Concepts. Paris: Les éditions CERF, 2010/2011.
6. Benoist J. Eléments de philosophie réaliste. Paris: Vrin, 2011.
7. Brandom R. Between Saying and Doing. Oxford UP, 2008.
8. Brandom R. Perspectives on Pragmatism. Harvard UP, 2011.
9. Brandom R. Reason in Philosophy. Animating Ideas. Harvard UP, 2009.
10. Brandom R. Tales of the Mighty Dead. Cambridge: Harvard, 2002.
11. Bridges J. Wittgenstein's contextualism // In (Arif Ahmed (ed.). Wittgenstein's Philosophical Investigations. A Critical Guide. Cambridge UP, 2010.
12. Haugeland J. Reading Brandom Reading Heidegger // European Journal of Philosophy. 2005. 13:3. С. 421–428.
13. Heidegger M. Being and Time. (Tr. By John Macquarrie and Edward Robinsom). Blackwell, 2001 (first edition 1962).
14. Heidegger M. Etre et temps. (Traduction par Emmanuel Martineau.) Edition numérique Hors-Commerce, 1985.
15. Heidegger M. Sein und Zeit. Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 2006.
16. Rouse J. (ed.). John Heugeland, Dasein Disclosed: John Haugeland's Heidegger. Harvard University Press, 2013.
17. Rouse J. How Scientific Practices Matter. Chicago: Chicago, 2002.
18. Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen // Philosophical Investigations. Basil Blackwell, 1953 (1ed.), 2009 (4ed.).
19. Wittgenstein L. The Blue and Brown Books. Basil Blackwell, 1958.

References (transliteration):

1. Wittgenshtain L. Filosofskie raboty. M.: Gnozis, 1994.
2. Khaidegger M. Bytie i vremena / Per. V. V. Bibikhina. SPb: Nauka, 2006.

¹ Brandom R. Between Saying and Doing. Oxford UP, 2008; Brandom R. Reason in Philosophy. Animating Ideas. Harvard UP, 2009; Brandom R. Perspectives on Pragmatism. Harvard UP, 2011.

² Brandom R. Between Saying and Doing. Oxford UP, 2008.

³ Я в значительной мере разделяю критику взглядов Брэндома на философию Виттгенштайна, предложенную МакДауэллом (John McDowell).